

И старый кнехт, расправив плечи,
Готов для долгожданной встречи.
А рано утром без опаски,
Набрав ведерко белой краски,
Я, без обиды на судьбу,
Проворно лезу на трубу.
Ведро к обеду опустело,
Труба из ржавой стала белой,
Добавлю две цветных полоски,
Российский флаг, простой и броский.
Я утираю пот со лба,
Теперь меня ждёт палуба,
Она простерлась предо мною
И я сейчас её помою.
Надраю цваброй, как мочалкой,
И мне воды не будет жалко,
Я сам помоюсь перед сном,
Ведь завтра порт, родимый дом.
Пришли, гудим, переживаем,
На берег выброску бросаем.
Нас притянули за конец,
Мы дома, плаванью – конец.

Константа

г. Чернигов, Украина

Родилась в г. Чернигове. Окончила филологический факультет Киевского государственного университета имени Тараса Шевченко. Доцент кафедры славянской филологии Черниговского педагогического университета, кандидат педагогических наук.

Обвалом – сотни лет,
И кругом дней – века,
И циферблат часов –
Со стрелкой обнят,
На том же месте –
Свет,
И шар земной пока
Дрожит от бесполезности
Утробной.
Но тесен мир для нас,
Летящих с высоты,
В крутой десятке –
Миллионы судеб,
Крест-накрест –
Этот час,
Минуты – близнецы,
И грешный путь –
Сомнению не подсуден...

Дожди и туманы,
Долги и слова –
Незримы дуэли
Судьбы,
Но так же сурова
Ее булава.
Стеной – вихревые
Столбы.
Стемпшеет,
А утром –
Круг солнечный рыж.
И сторбилось небо
Под ним,
Прорвет все заставы
Железности крыш –
И снова ты будешь
Любим...

Едва ли я, страна,
К тебе приеду,
Коль позовешь,
Уже простив меня,

Державе славной
Волей на потребу
Достанется
И горя, и огня.
Зачем тебе
Еще одна страничка
И преданность
Еще одной души?
Поклоны бью
Славянской привычкой
В провинциальной
Сладостной глуши...
Я не нужна тебе
В тех лицах грешных,
Которым несть числа
Без похвалы,
Всё так же светят
В открытых вешних
Твои глаза
Под верностью хулы...

Отверженным,
Оставленным
Над бездной бытия
Во времени,
Продавленном землёю,
На строчках века
Осторожных,
Не предназначена любовью...
Она им только снится
И в чьих-то лицах
Проходит мимо,
Пролетает птицей
С подстреленным крылом...
Под небом успокоенным
Молиться стоит
Всем нам
За них,
Нелепо скроенных,
И обделенных
Ею...

Владимир Концев

г. Челябинск

МУЗА

Ты вспышка, взрыв! Ты помутнение разума!
Сияние глаз в мерцаньях звезд, Капель!
Хмель спелых губ, помадою измазанных.
Похмелье будней. Одиночества метель.

Вся сплошь надежда, крах, соблазн, сомнение!
Опустошение от «было» до «прошло».
Смятение чувств до стона. Головокружение.
Призывных губ кричащее пятно!

Моё мучение, томление, вожделение,
бессонница в качелях ночи до утра.
Ты жажда встреч, желаний наваждение.
Ты вдохновение и Муза – навсегда!

Застуженной до хрипоты душой
слагаю песни, ими и молюсь.
Рождённый русским, я живу тобой,
Многострадальная Великомученица Русь.

Прости за всё, что сделать не успел.
За лень и за мечтательность, прости.
Терпенье всякое имеет свой предел,
молю, меня беспутного, терпи.

Служил Отечеству. Безвременно устал.
За эту слабость строго не суди.
Скалечив душу, честь не запятнал.
Но Веру безвозвратно растерял... Прости!

ВЕСЕННЯЯ МОЛИТВА

В лес, как в церковь войду,
шанку скину, паду на колени.
Все увижу, вдохну,
и обнимет с весной, аж до слез,

Обещанье любви
в перезвоне хрустальной капели,
свежесть талого снега
с душистой горчичкой берёз.

В ожиданье любви,
как Мадонны, берёзы застыли.
И почувствую я
их спокойный и пристальный взгляд:
словно лики Святых
в ореоле из солнечной пыли,
через сито ветвей
сверху вниз, не мигая, глядят.

Продышавшись весной,
все обиды подальше заброшу
и в поклоне земном
у Вселенной с мольбой попрошу:
«Подари мне Любовь,
укрепи в Вере грешную душу
и Надежду вели,
что не зря я на свете живу».

И гордыню смирю,
зайду в церковь, ей-богу, не струшу,
помолюсь за Весну
и за Веру, Надежду, Любовь.
«Матерь Божья, спаси
от цинизма усталую душу
и избавь от обид
мое сердце, мой разум и кровь».

ПРОВОДЫ

Отходят от вокзала поезда
по расписанию, суетясь, с кошёлками.
Занозит сердце расставания тоска,
произая душу горечи иголокками.

По рельсам в неизведанности тьму...
Сморгну слезу, подслеповато щурясь,
желанный образ со слезой сморгну,
лишь докурю и вон уйду, нахмурился.

Быть провожающим, по жизни не люблю,
ведь отъезжающим и уходящим прощю.
Я от любимых первым ухожу.
Мир, кажется, добрей и площе,
когда из глубины купе в него смотрю.

В забытом «Далеко» в мерцаньях льда и снега
хрусталь ночи и звёздная капель.
Меж двух озёр, где край земли и неба,
плескаясь в желтой жиже фонарей,
весна волшебную кружила карусель...

Два одиночества глаза в глаза стояли –
осколки с горечью оплаканной любви,
испрашивали чуда, чуда ждали,
молитвенно шептали: «Подожди...
Не уходи, продли на сердце смуту,
на радость новой встречи, намекни».
Рука настойчиво удерживала руку:
«...ещё минуту, лишь одну минуту,
очарование, прошу, не проходи».

Там... Далеко, уже не в этой жизни,
Среди озёр, в очаровании весны,
Два одиночества, любви оплакав тризну,
светились, воскресая в свете – «Мы!».

ДОКУМЕНТ НА БЫЛЬ

Настенный календарь отшелестит листами
Я в самокрутках раскурю вчерашний дым.
Их пепел – пыль воспоминаний
Осыплет голову мне инеем седым.

С настенных фотографий шепот предков:
«Проходит всё; и радость, и печаль».
Им, вторя, сердце бьётся птицей в клетке:
«Проходит всё... Как жаль, как жаль, как жаль».

Со временем, увя – поблекли краски,
Истёрлась грань меж грустно и смешно,